

В 2013 году на базе Хозяйственного апелляционного суда г. Киева была проведена научно-практическая конференция, посвященная десятилетию применения Хозяйственного кодекса Украины. В рамках ее работы был сформулирован вывод о том, что наличие в Украине кодифицированного закона, регулирующего экономические отношения, позволило привлечь в страну большое количество новых инвесторов, так как они могут иметь четкое представление об общем содержании правовых норм, регламентирующих деятельность субъектов хозяйствования. В частности, отмечалось, что «без Хозяйственного кодекса невозможно определить все принципы хозяйственной деятельности. Вы должны понимать, что, если перед вами нет общей картины, общего понимания принципов управления, влияния государства и средств, которые существуют в государстве, ориентироваться в этих нормативных актах довольно сложно» [9].

С 2015 года в Республике Казахстан вступил в силу Предпринимательский кодекс, опыт которого получил положительную оценку в рамках круглого стола на тему: «Практика применения Предпринимательского кодекса Республики Казахстан», который состоялся 11 октября 2018 года в г. Алматы и организован Министерством национальной экономики совместно с АО «Институт экономических исследований». В частности, положительную оценку государственному регулированию в соответствии с Кодексом предпринимательства Республики Казахстан дала заместитель председателя Экспертной группы по вопросам предпринимательства Курбанбаева Г., которая отметила, что: «Применение инструментов регулирования привело к существенному совершенствованию последние 3-5 лет государственной системы управления предпринимательством, снижению издержек ведения бизнеса, сделало отношения между бизнесом и государством прозрачными» [6].

Заключение. Поэтому считаем, что систематизация отечественного хозяйственного законодательства должна идти по пути принятия Хозяйственного кодекса, который должен стать основой правового регулирования экономических отношений. Мы полностью разделяем мнение С. С. Занковского о том, что значение «удобного законодательства» не ограничивается только экономией времени и сил тех, кто с ним работает в силу своей профессии, гораздо важнее то, что «удобное законодательство» служило бы «необходимым условием повышения качества исполнения прав в самом широком смысле слова — от составления хозяйственных договоров до принятия решения в хозяйственном споре» [3, с. 56].

Список цитируемых источников

1. *Алексеев, С. С.* Советское право как система: методологические принципы исследования / С. С. Алексеев // Советское государство и право. — 1974. — № 7. — С. 5—17.
2. *Занковский, С. С.* Частное предпринимательство и закон: краткие итоги исследования / С. С. Занковский, Т. М. Казенова, М. С. Нетесова // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. — 2009. — № 1. — С. 146—154.
3. *Занковский, С. С.* Из истории предпринимательского (хозяйственного) права / С. С. Занковский // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 3. — С. 52—56.
4. *Иоффе, О. С.* Вопросы теории права / О. С. Иоффе. — М.: Госюриздат, 1961. — 381 с.
5. *Попондопуло, В. Ф.* К вопросу о кодификации предпринимательского законодательства / В. Ф. Попондопуло // Вестн. Института законодательства Республики Казахстан. — 2012. — № 3. — С. 64—69.
6. Практику применения Предпринимательского кодекса РК обсудили в Алматы [Электронный ресурс] // Налоги в Казахстане. — Режим доступа: <https://nalogikz.kz/docs/praktiku-primeniya-predprinimatelskogo-kodeksa-rk-obsudili-v-almaty.html>. — Дата доступа: 17.03.2022.
7. *Шишканов, В. А.* Проблемы кодификации российского предпринимательского права / В. А. Шишканов // Сибирский юридический вестник. — 2004. — № 4. — С. 47—54.
8. *Щербина, В. С.* Об опыте кодификации хозяйственного законодательства в Украине / В. С. Щербина // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. — 2012. — № 3. — С. 75—77.
9. 10 лет применения Хозяйственного кодекса Украины: достижения и проблемы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sud.ua/ru/news/publication/70510-10-let-primeniya-khozyaj-stvennogo-kodeksa-ukraini-dostizheniya-i-problemi>. — Дата доступа: 17.03.2022.

УДК 349.6

В. Р. Навацкая, О. А. Абрамович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение. Одной из современных тенденций является взаимопроникновение в национальные правовые системы наиболее удачных правовых норм и институтов, действующих в других странах. Изучение такого сравнительного аспекта позволяет лучше понять достоинства и недостатки национального законодательства, сформулировать конструктивные предложения для законодателя, а также определить возможные пути двустороннего сотрудничества по правовым вопросам, которые в национальном законодательстве двух или более стран понимаются сходным образом.

В Республике Беларусь, как и в России, действует множество нормативных правовых актов, главным из которых является Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. При этом следует заметить, что полноценное сравнение вообще всех институтов природоресурсного права двух стран потребует проведения большого монографического исследования.

Основная часть. Итак, попробуем провести сравнительный анализ природоресурсного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. Так, полностью совпадают общие принципы правового регулирования в области охраны окружающей среды в России и Беларуси. Кроме того, в Российской Федерации и Республике Беларусь во многом совпадают институты нормирования, мониторинга, требования к отдельным видам экологически опасной деятельности, регулирование вопросов экологического контроля, экологического воспитания и образования. Также как и в России, в Республике Беларусь ведется Красная книга, основанная на аналогичных принципах и имеющая те же цели и задачи. Практически полностью совпадает перечень экологических прав и обязанностей в Российской Федерации и в Республике Беларусь [1, с. 59].

При сравнении терминологического ряда России и Республики Беларусь также можно обнаружить случаи совпадающей и несовпадающей терминологии. Например, в России не используются термины биотоп, биосферный резерват, национальная экологическая сеть и т. д. В тоже время, большая часть терминологии у нас практически полностью совпадает (компоненты природной среды, мониторинг, качество окружающей среды и т. д.).

Если сравнивать принципы экологического законодательства Российской Федерации и Беларуси, то большая их часть дословно совпадает. Другая часть несколько отличается по формулировке, совпадая по смыслу. Из числа интересных для Российской Федерации принципов белорусского природоресурсного законодательства следует выделить принцип недопущения совмещения функций государственного регулирования, управления и контроля в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и функций природопользования.

В Республике Беларусь различают правовой режим особо охраняемых природных территорий и природных территорий, подлежащих специальной охране. К числу последних относятся курортные зоны; зоны отдыха; парки, скверы и бульвары; водоохранные зоны и прибрежные полосы рек и водоемов; охранные зоны особо охраняемых природных территорий и ряд других. Все они отличаются по режиму охраны как от особо охраняемых природных территорий, так и от обычных земель, в отношении которых не принимается дополнительных мер охраны. В России такие территории также имеются, хотя все вместе они ни в одном законе не упоминаются, и их общие параметры дополнительной охране не подлежат. На этих территориях также запрещаются отдельные виды хозяйственной деятельности.

Российское законодательство об особо охраняемых природных территориях отличается от других стран-участников СНГ. Во-первых, это связано с федеративным устройством России. Согласно п. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы правового регулирования особо охраняемых природных территорий отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Во-вторых, географические особенности территории России оказывают значительное влияние на количество и виды особо охраняемых природных территорий. В-третьих, законодательство России направлено на регулирование так называемых «внутренних» особо охраняемых природных территорий, т. е. территорий федерального, регионального и местного значения. В отличие от российского законодательства, Закон Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» от 15 ноября 2018 г. № 150-З устанавливает возможность признания за особо охраняемыми природными территориями статуса территории международного значения (ст. 33).

Среди вопросов, связанных с правовым регулированием особо охраняемых природных территорий, полагаем, что самым важным выступает определение правового режима их охраны.

Важно, что сложный характер объекта природоохранных отношений, подпадающий под регулирование нескольких отраслей права, требует говорить не просто о правовом режиме, а об эколого-правовом режиме, т. е. совокупности закрепленных в законе мер по охране, в том числе запретов, дозволений, природоохранных требований и т. д. [3, с. 328].

В литературе отмечается, что установление эколого-правового режима отдельных территорий преследует несколько целей. В одних случаях, данный режим направлен на сохранение (консервацию) в естественном виде уникальных и редких природных объектов, и для этого создаются особо охраняемые природные территории. В других случаях, этот режим предполагает проведение специального комплекса мероприятий по восстановлению деградировавших экологических систем, а соответствующим территориям придается особый статус — зон экологического бедствия (к сожалению, они пока не созданы ввиду отсутствия четкой правовой базы) [2, с. 26].

Полагаем, что для эколого-правового режима характерен особый порядок правового регулирования, состоящий из сочетания разноотраслевых правовых инструментов, находящихся в системной связанности [4, с. 76]. По мнению Е. В. Луневой, в структуре правового режима правовые средства особым образом группируются, формируя его конструктивные части. Особо подчеркивается, что применительно к особо охраняемым природным территориям следует выделять как публично-правовую, так и цивилистическую составляющую [4, с. 76].

Для того чтобы на определенной территории установить эколого-правовой режим, необходимо разрешить ряд вопросов, которые можно разделить на два больших блока. Во-первых, необходимо определить критерии территории, подлежащей охране, разрешить вопросы по установлению и изменению границ, прекращению функционирования особо охраняемых природных территорий, а также по управлению этими территориями. Во-вторых, следует определить запрещенные и разрешенные виды деятельности.

Особый режим охраны и использования территории представляет собой динамичную категорию, содержание которой зависит от целей создания особо охраняемых природных территорий, а также окружающей обстановки (например, возникновение чрезвычайных ситуаций (пожар, наводнение) будет его изменять).

В связи с этим возможны различные классификации режима.

Во-первых, можно выделить особые режимы охраны и использования особо охраняемых природных территорий в зависимости от ее вида (например, особый режим охраны и использования памятника природы, особый режим охраны и использования национального парка и т. д.).

Во-вторых, полагаем, что следует дополнительно выделять экстраординарные (чрезвычайные) режимы охраны и использования, связанные с введением дополнительных правовых ограничений из-за природных или техногенных факторов, либо, наоборот, совершение действий, выходящих за пределы установленного режима, в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и ее последствий. В частности, об этом говорится в п. 2 ст. 24, п. 5 ст. 28, п. 12 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях».

Заключение. Таким образом, сравнение подходов российского и белорусского законодательства позволяет сделать вывод о том, что Закон Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» выгодно отличается от законодательства Российской Федерации в части установления видов режимов охраны и использования особо охраняемых природных территорий. Полагаем, что законодательство России в части охраны и использования особо охраняемых природных территорий нуждается в значительном системном реформировании.

Список цитируемых источников

1. Анисимов, А. П. Экологическое законодательство России, Казахстана и Беларуси: сравнительно-правовой аспект / А. П. Анисимов. — М. : Юрист, 2019. — 488 с.
2. Анисимов, А. П. Экологическое право России : учебник и практикум для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков. — М. : Юрайт, 2020. — 422 с.
3. Дискуссионные проблемы теории экологического права : монография / под общ. ред. А. П. Анисимова. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 544 с.
4. Лунева, Е. В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях / Е. В. Лунева. — М. : Статут, 2018. — 159 с.

УДК 378.14

Е. А. Новикова, И. К. Вербицкая

Учреждение образования «БНП — Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика Беларусь

К ВОПРОСУ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Введение. Одним из важнейших прав гражданина, закреплённых в Конституции Республики Беларусь, является право на ведение предпринимательской деятельности. Ограничение такого права, согласно ст. 23 Конституции, допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [1].

Несмотря на то, что молодежное предпринимательство — не новое явление для белорусской экономики, в последнее время вопросы его развития и стимулирования вхождения молодежи в бизнес приобрели особую актуальность. По данным экспертов, пандемия новой коронавирусной инфекции показала, что более амбициозная и позитивно настроенная молодежь после ограничительных мер быстрее остальных возвращалась к ведению бизнеса, его инвестированию и развитию.

Однако, Гражданский Кодекс Республики Беларусь (далее — ГК) не содержит специальных правовых норм, посвящённых предпринимательской деятельности несовершеннолетних. По общему правилу, гражданская дееспособность, в том числе в сфере предпринимательства, в полном объеме возникает у гражданина только с наступлением совершеннолетия. Относительно малолетних, то есть лиц в возрасте от 6 до 14 лет, закон не допускает возможности занятия предпринимательской деятельностью. Данный запрет целесообразен в том смысле, что за действия указанных лиц полную ответственность несут законные представители, чем исключается одно из важнейших условий предпринимательской деятельности [2].

Таким образом, в настоящее время нет единого мнения между учеными по вопросу возрастного ценза, дееспособности несовершеннолетних граждан.